

„Южный Край“ гор. Харьков
1891, 24 октября.

Из харьковской театральной ста- рины *.

(Материалы, мелочи и замѣтки).

IX.

Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Харь-
ковѣ образовалась театральная дирек-
ція, состоявшая подъ покровитель-
ствомъ генералъ-губернатора и замѣ-
нившая послѣдняго изъ старинныхъ
харьковскихъ антрепренеровъ или, какъ
тогда выражались, „содержателей“ теа-
тра, Млотковского. Въ составъ ея во-
шелъ, въ числѣ другихъ, и богатый
только что вставшій со школьной

* См. „Южный Край“ № 3701.

окамья помѣщикъ Даниловъ. Вотъ онъ
то много лѣтъ спустя и разсказалъ въ
одной газетѣ весьма типичный эпизодъ
изъ своего кратковременнаго „служенія
искусству“.

„Я только что кончилъ курсъ въ уни-
верситетѣ, повѣстуетъ Даниловъ. Жаж-
да дѣятельности кипѣла въ моей груди,
и мнѣ хотѣлось, проживая наслѣдствен-
ное достояніе, что-нибудь да дѣлать..
Въ ту пору въ нашемъ губернскомъ про-
винціальномъ театрѣ происходились ве-
ликія реформы. Образовывалась на мѣ-
сто антрепренерской власти дирекція
изъ губернскихъ тузовъ съ печатными
правилами для полуграмотныхъ и полу-
трезвыхъ артистовъ, съ печатными блан-
ками для контрактовъ съ ними, съ ос-
новнымъ капиталомъ членовъ—акціо-
неровъ дирекція, словомъ, со всѣми
операми. Градоначальникъ изъявилъ
согласіе быть верховнымъ покровите-
лемъ общества и узаконить собствен-
нымъ авторитетомъ его дѣятельность.
Меня, какъ любителя театра, а глав-
ное, какъ человѣка, не обездоленнаго
фортуной и влаломъ на жизненномъ пи-
рѣ семь, пригласили, безъ жалованья,
съ титуломъ начальника репертуарной
части, назначать спектакли, бенефионы,
распредѣлять между артистами роли,
присутствовать на репетиціяхъ, рѣ-
шать доступъ дебютавтамъ и заключать
съ ними контракты. Двадцатилѣтнему
не развитому юношѣ полагалось обла-
дательнымъ сдѣлаться владыкою цѣла-
го мірка. Я съ восхищеніемъ принялъ
предложенное мнѣ званіе, но скоро—
увн!—мнѣ пришлось разочароваться.

„Началось съ того, что чуть не каждый
акціонеръ, внесшій лепту въ основной
капиталъ, сталъ совать мнѣ оловяч-
ные protégés. Разочетъ былъ вѣренъ у гг.

акціонеровъ: заплативъ разъ небольшую
сумму, они имѣли постоянное мѣсто въ
театрѣ, да сверхъ того пристраивали
на жалованье отъ театра тѣхъ, кото-
рымъ платили прежде изъ собствен-
ныхъ хармановъ. Особенно памятенъ
мнѣ одинъ таковаго рода случай:

„Пожилой, сѣдовласый провинціаль-
ный тузъ прислалъ мнѣ однажды ва-
писку, въ которой рекомендовалъ, какъ
чудо изъ чудесъ, нѣкую Л***, которая
хоть никогда не играла, но должна бы-
ла, по соображеніямъ патрона, велико-
лѣпно „заиграть“. Я самъ прошелъ
съ ней роль Офеліи“—писалъ онъ, и

ручаюсь, что въ театрѣ не останется
пустого мѣста, когда имя ея появится
на афишѣ“. Я просилъ передать ар-
тистѣ, чтобы она пожаловала на слѣ-
дующее утро въ театръ. Репетицію
„Гамлета“ я назначилъ на завтра и съ
10 часовъ утра сталъ дожидать но-
вую Рашель. Является рыженка, а
омазливенькая особа, съ сильно разви-
тыми формами, съ манерами швеи, въ
костюмѣ мѣщанки-аристократки. „Гдѣ
вы воспитывались?“ спрашиваю я. Ра-
шель не понимаетъ моего вопроса, и
тупо смотритъ на меня. „Гдѣ и чему
вы учились?“ повторяю я. Рашель глу-
по ухмыляется и, наконецъ, объясня-
етъ, что „грамотѣ училъ ее самъ тя-
тенька, а бѣлошвейному мастерству за-
нялась она отъ мадамъ“. Довольно, ка-
жется, было взглянуть на эту особу,
выслушать отъ нея одну такую фразу,
чтобы посовѣтовать ей снова взяться за
иглу, но—увн! тузъ былъ провинціаль-
ный, козырной тузъ, онъ билъ все
масти,—слѣдовало вести до nec plus
ultra осторожно. Мы начали репети-
цію. Старые актеры и актрисы пере-
мигивались и посмѣивались втихомол-
ку, знаменитый суфлеръ Миша лѣзъ
со влости изъ будки и изъ кожи;
Гамлетъ чуть не рычалъ на свою воз-
любленную; Полоній, первый актеръ
труппы и первѣйшій плутъ въ мірѣ,
выявлялъ торжественно, что не вый-
детъ на сцену съ подобной дочкой. Но
вотъ появляется и наповдавший патронъ,
удостоиваетъ протянуть Полонію цѣ-
лыхъ два пальца, удостоиваетъ лег-
кимъ кивкомъ головы прочихъ членовъ
труппы,—и всеобщее настроеніе измѣ-
няется. „Хорошо?“ говоритъ патронъ,
обращаясь къ Полонію. „Удивительно!“
отвѣчаетъ плутъ, подмигивая мнѣ.
„Я отправился къ директору распо-
рядителю и объяснилъ ему всю суть
дѣла. „Нелзя съ“, сказалъ онъ: „нелъ-

зя-съ не допустить ея... Вѣдь вы знае-
те, кого мы разсердимъ“.

„Черезъ недѣлю Офелія дебютирова-
ла: тузъ и нѣсколько фигуръ той же
козырной масти апплодировали ей, под-
начальники двойки и тройки рвались
выкрикивать „браво“ доказывать свою пре-
данность, студенты и „независимые“
составили оппозицію. Въ мѣстной гу-
бернской газетѣ въ неофициальномъ
отдѣлѣ совѣтникъ губернскаго правле-
нія наотрочилъ статью, гдѣ превознесъ
до небесъ „небывалый талантъ и пре-
лестную наружность дебютантки“.

„На другой же день послѣ сказанна-
го дебюта я оставилъ должность на-
чальника репертуара“.

Этотъ разсказъ мы нашли въ газетѣ
„Антрактъ“ за 1866 годъ (№ 28). „Вотъ
какъ 20 лѣтъ тому назадъ процвѣтали
провинціальныя театры!“ восклицаетъ
Даниловъ въ заключеніе. Слѣдовало
сказать не 20 лѣтъ, а 23 года тому
назадъ, такъ какъ дирекція образова-
лась въ 1843 году (она просуществова-
ла всего пять лѣтъ). Замѣтимъ, кстати,
что Даниловъ совершенно напрасно
такъ презрительно отзывался о про-
винціальныхъ театрахъ того времени.
На Харьковской сценѣ 40 годовъ игра-
ли Соленикъ, Рыбаковъ, Ладина, Мло-
тковская и т. д.—таланты, до которыхъ
теперешнимъ „свѣтиламъ“ какъ до
звѣзды небесной далеко...

X.

Знаменитый московскій комикъ Щеп-
кинъ, какъ извѣстно, въ началѣ сво-
его артистическаго поприща, въ тече-
ніе многихъ лѣтъ игралъ въ провин-
ціи: сначала въ Курскѣ, а затѣмъ въ
Харьковѣ, Полтавѣ и Кіевѣ. Перейдя
на Московскую сцену въ 1823 году, онъ
время отъ времени, пользуясь лѣтними
каникулами, навѣщалъ своей родной югъ
и неоднократно появлялся на Харьков-
ской сценѣ. Изъ воспоминаній проф.
Буслаяна оказывается, что гениальный
артистъ бывалъ въ Харьковѣ, между
прочимъ, и въ 30-хъ годахъ. Про-
сматривая сочиненіе названнаго автора
„Мои досуги“, мы нашли въ немъ (II,
237), въ статьѣ „Комикъ Щепкинъ о Го-
голь“ разсказъ Щепкина, который начи-
нается слѣдующими словами: „Бѣжалъ
изъ Харькова въ то время, какъ было
открытіе мощей Митрофанія. Дѣш, ду-
маю, вѣжду въ Воронежъ“. Мощи Свя-
тителя Митрофанія были открыты и
обрѣтены нетлѣнными въ 1832 году *
значить, Щепкинъ былъ въ Харьковѣ

именно въ этомъ году. По всей вѣро-
ятности, онъ пріѣзжалъ сюда, чтобы
участвовать въ нѣсколькихъ спектак-
ляхъ.

XI.

Теперь, когда въ Харьковѣ, послѣ
долгаго перерыва, снова возродилась
русская опера, а мѣстное отдѣленіе
Харьковскаго музыкальнаго Общества
только что отпраздновало свое двадца-
тилѣтіе, не мѣшаетъ вспомнить о че-
ловѣкѣ, не мало потрудившемся надъ
развитіемъ музыкальнаго образованія
въ Харьковѣ и въ качествѣ препода-
вателя музыки, и въ качествѣ дири-
жера оркестровъ. Мы говоримъ о ста-
ринѣ К. П. Вильбоа, маленькую, ко-
мически-торжественную и строгую фи-
гуру котораго, вѣроятно, еще помнятъ
многіе изъ харьковцевъ. Вильбоа, къ
сожалѣнію, не повезло въ Харьковѣ и
онъ оставался вѣкъ сравнительно не
долго. Говоримъ „къ сожалѣнію“, ибо
Вильбоа безусловно обладалъ солиднымъ
музыкальнымъ образованіемъ и могъ бы
при иныхъ условіяхъ сдѣлать гораздо
больше, чѣмъ сдѣлалъ.

Константинъ Петровичъ Вильбоа ро-
дился въ Петербургѣ, въ маѣ 1817
года, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ
корпусѣ, откуда выпущенъ въ гвар-
дейскую артиллерію въ 1837 году. Про-
служивши три года, онъ вышелъ въ
отставку, а въ концѣ 40-хъ годовъ
вновь поступилъ на службу, при во-
еннонаучномъ комитетѣ, помощникомъ
дѣлопроизводителя, и состоялъ въ этой
должности до начала шестидесятихъ
годовъ.

„Еще въ корпусѣ онъ обнаруживалъ
значительную склонность къ музыкѣ:
онъ былъ регентомъ пѣвчихъ и хоро-
шо игралъ на фортепiano. Первое его
сочиненіе, романсъ „Смерть“, на слова
товарища его Айбулатова („Она при-
детъ неслышно и незримо“), было вы-
звано сильнымъ впечатлѣніемъ, про-
веденнымъ на Вильбоа видомъ мертва-
го князя Петра Михайловича Волкон-
скаго (фельдмаршала), у тѣла котора-
го онъ стоялъ въ почетномъ караулѣ.
Второе его сочиненіе—романсъ „Взо-
шелъ на небо мѣсяцъ юный“ и третье—
дуэтъ „Волшебный мракъ отрадной но-
чи“, оба написаны въ 1849 году на
слова его товарища и пріятеля Яцене-
ва. Вскорѣ потомъ онъ написалъ ду-
этъ „Моряки“ (слова Ямкова), поль-
зовавшійся въ свое время большою
популярностью и часто исполнявшійся

въ концертахъ. Въ теченіе пятиде-
сятихъ годовъ имъ написана опера
„Наташа или волжскіе разбойники“,
на либретто Куликова. Въ первый разъ
она была поставлена въ Москвѣ въ
октябрѣ 1861 года, въ бенефиасъ г-жи
Семеновы, а потомъ и въ Петербургѣ,
въ бенефиасъ г-жи Лесновой. Это до-
вольно блѣдное и нѣсколько дилетант-
ское подражаніе „Жизни на Царя“
вышло лишь посредственнымъ успѣхъ.
Раньше „Наташи“ онъ работалъ надъ
оперой „Тарасъ Бульба“, позже „На-
таши“—надъ оперой „Цыганка“ на
сюжетъ Баратынскаго, но не кон-
чилъ ни той, ни другой. Въ 1853—
1854 годахъ онъ дирижировалъ пѣв-
чими и балетнымъ оркестромъ Пав-
ловскаго полка. Въ послѣдніе годы
жизни Глинки въ Петербургѣ (1853—
1856), Вильбоа постоянно былъ при-
немъ, дѣлалъ разныя аранжировки его
оперъ, и, между прочимъ, присовѣ-
товалъ Глинкѣ свою „Молитву“ изъ
фортепiанной пьесы превратить въ во-
кальную, приспособляя къ ней текстъ
Лермонтова. Въ концѣ 1850-хъ годовъ
онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ В. П. Энгель-
гардтомъ по Волгѣ и при этомъ запи-
сывалъ народныя пѣсни, часть кото-
рыхъ издалъ въ первый разъ въ „Дра-
матическомъ сборникѣ“ Аполлона Гри-
горьева, въ 1860 году, въ видѣ особа-
го приложенія. Позже онъ издалъ еще
нѣсколько выпусковъ русскихъ народ-
ныхъ пѣсень.

„Во второй половинѣ шестидесятихъ
годовъ, Вильбоа поѣхалъ въ Харь-
ковъ; сначала жилъ у одного богатаго
помѣщика и училъ фортепiанной игрѣ
его жену, братьевъ; потомъ—у друга-
го помѣщика, и дирижировалъ, какъ
любитель, его оркестромъ; въ помѣще-
ніи Харьковскаго университета онъ
три года читалъ публичныя лекціи по
исторіи и теоріи музыки; года два
былъ директоромъ музыкальныхъ клас-
совъ, дирижировалъ оркестромъ Ком-
мерческаго клуба и, наконецъ, сдѣлалъ
своимъ театральнымъ капелмейстеромъ“.
Въ это то именно время онъ одинъ
разъ исполнялъ роль Суянина въ
началѣ 1859 года въ четвертомъ ак-
тѣ „Жизни на Царя“, который вду-
малъ поставить въ свой бенефиасъ
при помощи „мѣстныхъ силъ“, т. е.
членовъ драматической труппы (Ва-
ню пѣла актриса А. Н. Олехова).
У Вильбоа не было никакого голоса.
Онъ кричалъ, хрипѣлъ да въ добавокъ
еще и вахкался, и публика ошмкала
его самымъ немилосерднымъ образомъ.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ Вильбоа
вернулся въ Петербургъ и, послѣ не-
удачной попытки, пристроился въ клу-
бѣ художниковъ дирижеромъ концер-
товъ, а около 1876 года перѣхалъ въ
Варшаву и поступилъ на службу въ
артиллерійское вѣдомство. Въ 1882 го-
ду онъ вышелъ въ отставку, и, нахо-
дясь въ крайней бѣдности, послѣ дол-
гой трудовой и скитальческой жизни,
умеръ скорострѣжно, отъ разрыва
сердца. **